

— Матери сразу ничего не говори, — наставлял Ван Шитоу мужа, — сначала купим, а там будь что будет.

Для сына подобные выходки — «сначала сделал, потом покаялся» — обычно проходили даром, но Син-гэ'эру такая дерзость могла стоить спокойной жизни. Впрочем, юноша лишь молча кивнул: спорить не хотелось.

Позже, когда первая обида утихла и они улеглись на кан, он снова начал раздумывать. Печка сама по себе — дело невеликое, денег стоит малых, пользы приносит много. Почему же свекровь так на него ополчилась? Да еще и обвинения эти... Будто он о родном сыне, о Юаньюане, совсем не печется.

Тот сердито перевернулся на другой бок, но Ван Шитоу тут же притянул его к себе, обнимая.

— Ты чего? Договорились же — купим. Завтра же пойду к Ли Да.

— Перекипело уже, — прошептал юноша. — Я вот только думаю: а вдруг и правда вещь нехорошая? Ну, если... — он осекся, не договорив.

Муж, человек простой и уже порядком засыпающий, спросонья не сразу понял, к чему тот клонит.

— Так брать или нет? — буркнул Ван Шитоу.

— Брать! — решительно отрезал Син-гэ'эр, всё еще злясь на свекровь и невестку.

Глаза он закрыл, но на душе всё равно было беспокойно. А вдруг и впрямь накличет беду? Ведь аптекарская же...

На следующее утро, едва доев завтрак, Син-гэ'эр поспешил к дому Ли. Там уже давно все были на ногах. Ли Чжоучжоу, закончив с посудой, возился на заднем дворе — чистил курятник и свинарник. Завидев друга в такую рань, хозяин Ли сразу понял: тот пришел излить душу.

— Что стряслось?

— Да всё из-за этой печки! — вскинулся Син-гэ'эр. — Обидно мне, Чжоучжоу. С чего матушка Ван на меня так окрысилась? — Он помолчал и добавил тише: — Послушай, а с ней точно всё в

порядке? Не будет беды?

Ли Чжоучжоу на миг замер. Вопрос застал его врасплох. Ручаться за приметы он не мог, но ответил искренне:

— Сначала тоже говорили — аптекарская. Ты ведь знаешь, как мой отец ушел... Слишком долго пил отвары, которые уже силу потеряли. Когда сянгун чертеж показал, я сразу признал в нем ту печурку.

— И на сердце у тебя не скребет? — допытывался Син.

Чжоучжоу качнул головой:

— Нет. Я знаю, что муж придумал это, чтобы нам с отцом жилось легче. А всё остальное — пустые домыслы. Я в приметы не верю, я мужу верю.

Син-гэ'эр вздохнул. Слова друга звучали убедительно, но ситуация у него была иная.

— Тебе-то хорошо, ты за мужем как за каменной стеной. А у меня... Принесу я её в дом, и свекровь каждый день будет в неё тыкать, повод для ссор искать. Но и без печки оставаться — только злость в себе копить...

В этот момент из комнаты вышел Гу Чжао — захотел воды испить. Услышав обрывок разговора, он вежливо кивнул гостю:

— Здравствуй, брат.

Син-гэ'эр тут же прикусил язык — при посторонних жаловаться не пристало.

— Пойду я, пожалуй. Юаньюань там один, заждался небось. Надо еще подумать...

— Если и хочется, и боязно, — вдруг предложил Гу Чжао, — попросите гончара Чжу, когда он будет обжигать глину, нанести на стенки добрые слова.

Идея была проста: если пугает «аптекарское» прошлое, надо дать вещи новое имя. Назвать её «Печью "Мир и большая удача"». Раз уж люди верят в дурные знаки, почему бы им не поверить в благие?

Глаза Чжоучжоу радостно блеснули:

— А ведь и верно! Чудесная мысль.

— И ты меня даже не похвалишь? — Гу Чжао шутливо заглянул в глаза мужу.

При госте Ли Чжоучжоу стало неловко от такой неприкрытой нежности. Стараясь сохранить степенный вид, он тихо проговорил:

— Ты очень умен, сянгун.

— Еще бы! — Учёный Гу просиял от гордости. — Знай, чей я муж.

Уши хозяина Ли предательски покраснели, и скрывать смущение стало невмозможным. Син-гэ'эр, впрочем, за их милованием не следил — он обдумывал услышанное. Таких мужчин он еще не встречал. Иной раз посмотришь — совсем дитя, ластится, в глаза заглядывает... Непривычно это. Теперь понятно, почему Чжоучжоу так его бережет: молод, на язык сладок, а ласковый какой!

«Научился. В следующий раз попробую это на Ван Шитоу»

— Хороший совет, теперь мне спокойнее. Завтра Шитоу с дядей Ли в Шили поедут, ты уж попроси отца, Чжоучжоу, чтобы он гончару всё объяснил.

— Договорились.

Юноша, заметно повеселев, поспешил домой, пока свекровь снова не принялась ворчать.

Наутро Ван Шитоу, подхватив заплечную корзину, зашел за Ли Да. Тот уже спозаранку управился с делами и ждал его у ворот. До деревни Шили добрались быстро, солнце еще не успело подняться высоко.

Сын гончара Чжу радушно встретил гостей и провел во двор. Вскоре вышел и сам мастер. Ли Да не стал ходить вокруг да около и сразу изложил предложение Гу Чжао.

— Надписи сделать? — Чжу мгновенно смекнул, в чем дело.

Он годами поставлял товар в город, и аптекарские печурки для него были делом привычным — хлебом насущным. Сам он в приметы не верил, но знал, как суеверны бывают люди. Если пара слов на глине принесет человеку покой — почему бы и нет? Тем более что новая печь на старую лекарственную уже и так походила мало.

— Сделать-то можно, — затылок почесал гончар, — только я в грамоте не силен. Цифры знаю, а

вот слова сложные — боюсь ошибиться.

— Мой зятёк всё предусмотрел, — Ли Да достал из корзины две тонкие деревянные плашки. — Вчера в свободное время вырезал образцы. Срисуеть — и делов-то.

На одной дощечке было выведено «Пинъань», на другой — «Дацзи». Гу Чжао специально выбрал самые простые, но весомые иероглифы.

— Ладно сработано, — похвалил Чжу. — Гэской твой — малый не промах, всё до мелочей продумал.

Мастер понимал: печь и впрямь вышла удачная. Дома его собственные домочадцы от неё не отходили. Если слух пойдет по деревням, заказы потекут рекой. А с этими надписями она и вовсе перестанет считаться «аптекарской».

Разговорившись с Ли Да и Ван Шитоу, гончар расщедрился. С Шитоу он взял всего двадцать вэней вместо тридцати — за глину да за дрова для обжига.

— Ты ведь племянник Ли Да, — добродушно пояснил он, — свои люди.

В этот раз старик Ли вежливо отказался от обеда. Двое взрослых мужчин съедят немало, а мастер и так сделал им добрую скидку. Не стоило злоупотреблять его гостеприимством.

Проводив гостей, сын гончара с недоумением спросил отца:

— Батя, чего ты так дешево отдал? Мы на одну растопку печи больше потратим.

— А кто сказал, что мы будем одну обжигать? — Чжу, напевая под нос, направился к гончарному кругу. — Заложим сразу три. Уверен, на полках они не залежатся.

Видя, что сын всё еще хлопает глазами, старик лишь хмыкнул:

— И в кого ты такой непонятливый? Подумай сам, голова у зятя Ли Да работает как надо. А теперь — за дело, замешивай глину.

Сын принялся за работу, недовольно ворча про себя. Мол, умен он, как же... Слышал, что тот даже экзамены сдать не смог, а в поле от него толку как от козла молока. Одно слово — муж-зять. Впрочем, вслух он этого не сказал: отец бы за такие речи быстро по затылку надавал.

Спустя три дня Ван Шитоу забрал готовую печь. Скрыть такую вещь в большом доме было невозможно. Как ни старался он прокрасться через двор в свою комнату, зоркий глаз матери его настиг.

— Это еще что такое?!

— Да так, матушка, пустяк...

— Пустяк величиной с тумбу? Ты меня совсем за слепую держишь?

Поняв, что отпираться бесполезно, мужчина вздохнул:

— Печка это...

Матушка Ван тут же запричитала на всю улицу: заладила про «жену»-транжиру, про неуважение к матери и про то, что её со свету сжить хотят, притащив в дом «болезную» вещь.

— Да посмотрите же вы, матушка! — Шитоу поспешно выставил печь на землю. — Где тут аптекарская? Вот, глядите: здесь написано «Пинъань», а с другой стороны — «Дацзи». Это печь «Пинъань и Дацзи»!

Крики матушки Ван мгновенно стихли. Изделие и впрямь выглядело иначе, чем те, что продавали в лавках: выше, шире, да еще и с красивыми знаками.

— ...всё равно деньги на ветер, — буркнула она уже тише. — На эти медяки можно было бы мяса вдоволь купить.

Син-гэ'эр, видя, что гроза миновала, вышел на крыльцо:

— Матушка, она совсем недорого обошлась. Раз идею Гу Чжао подал, нам скидку сделали — всего двадцать вэней за всё про всё.

— Двадцать? — Свекровь прикинула в уме: за две такие увесистые вещицы цена была и впрямь сходная. Раз уж купили — не выбрасывать же.

Юноша предложил поставить печь в главной комнате, чтобы вся семья поужинала в тепле. Хотелось ему прихвастнуть перед невесткой: зря, что ли, его до этого транжирой называли?

Вечером в зале было на редкость уютно. От огня шло мягкое тепло, прогоняя зимнюю сырость. Стол придвинули поближе к очагу. Дети старшего брата так и крутились вокруг, радуясь, что больше не надо кутаться.

— Хорошая вещь, — одобрил отец Ван Шитоу. — Только дверь плотно не запирайте, когда топите.

В деревне еще помнили случай, когда кто-то угорел от жаровни в закрытой комнате. С тех пор люди огня в жилых покоях опасались. Но с новой печью, да при разумном обращении, беды быть не должно.

После ужина на огне как раз поспела горячая вода — посуду помыть. А когда всё закончили, Син-гэ'эр снова наполнил котелок, чтобы всегда было чем согреться. Свекровь больше не ворчала — польза была очевидна. Когда настало время расходиться, дети невестки Сюй заупрямились — не хотели идти в свою холодную комнату. Та виновато глянула на свекровь:

— Придется кан посильнее топить...

— А на меня чего смотришь? — огрызнулась та. — Будто я тебе хвороста жалею!

Спустя несколько дней Син-гэ'эр заглянул к Ли Чжоучжоу и с восторгом пересказал домашние события:

— Видел бы ты лицо свекрови! Как цену узнала, так и замолчала. Целый день печка в зале простояла, я даже забирать её не спешил. А на утро — гляжу, невестка уже сама дров подбросила, дети её в тепле сидят. Но я-то не промах! С чего мне свою вещь, на свои деньги купленную, на всех делить? Сказал — забираю к себе, Юаньюаню тепло нужнее. А если им завидно — пусть брат Шитоу в Шили ходит, тридцать вэней — и у них такая же будет.

— И что невестка? — улыбнулся Чжоучжоу.

— Сказал, мол, не такие уж холода, чтобы деньги тратить.

«Ну и пусть мерзнут», — подумал Син-гэ'эр. Шитоу перенес печь в их комнату, и матушка Ван промолчала: в конце концов, муж был прав, деньги-то их собственные.

— Ты только с невесткой не ссорься из-за этого, — мягко заметил Чжоучжоу.

Тот, разгоряченный рассказом, недовольно буркнул:

— А что мне, потакать им во всем? Если я её в зале оставлю, она общей станет.

— Я не об этом, — хозяин Ли терпеливо пояснил: — Вспомни: когда тебе в город нужно было,

госпожа Сюй без лишних слов за Юаньюанем присматривала. И когда ты приболел — она часть твоей работы на себя брала, не жаловалась.

Син-гэ'эр призадумался.

— И то правда... Совсем я нос задрал в последние дни. Вернусь — сделаю ей что-нибудь приятное. Но печь в зале стоять не будет, тут уж извини. Не люблю, когда мне на шею садятся.

Чжоучжоу не стал спорить: друг сам знает, как ладить со своими домашними.

Вечером, когда Ли Чжоучжоу укладывался спать, он поймал на себе долгий взгляд мужа.

— Сянгун, что-то не так? У меня на лице что-то?

— Нет, — улыбнулся Гу Чжао. — Просто думаю о том, какая у меня умная жена. Я слышал ваш разговор сегодня.

— Я тебе мешал заниматься?

— Нет, я сам решил передохнуть. Ты ведь не сердишься?

— Ну как я могу на тебя сердиться? — Чжоучжоу знал, что Гу Чжао трудится не покладая рук.

— Только что там было умного? Обычные мелочи...

Учёный Гу пододвинулся ближе и взял руку мужа в свои. Он нежно погладил загоревшие от работы мозоли на пальцах юноши.

— Вовсе нет. Ты не поддавался суевериям, доверился мне — это раз. Ты напомнил брату о добре, которое ему делала невестка — это два. Ты искренне хочешь, чтобы в их семье был мир. Видеть и ценить хорошее в людях — это великая мудрость.

Гу Чжао знал: многие на месте Ли Чжоучжоу лишь подливали бы масла в огонь, радуясь чужим раздорам.

— Если бы они разругались в пух и прах, Син-гэ'эру было бы только хуже. Свекровь бы его возненавидела, а невестка перестала бы помогать. Юаньюань еще мал, за ним глаз да глаз нужен... Одному со всем не справиться.

— Я не хочу, чтобы он страдал, — тихо ответил Ли Чжоучжоу.

— У моего Чжоучжоу золотое сердце, — прошептал Гу Чжао и нежно коснулся губами его щеки.

<http://bllate.org/book/15349/1417532>